

Е Цзюньшу поселил деда и внука Нань в западном флигеле бокового двора. Никаких поручений он им пока не давал — велел Нань Жуну сначала вылечиться, а остальное обсудить позже. Дети очень любопытствовали насчет новеньких, но Е Цзюньшу боялся заразы, поэтому строго-настрого запретил им заходить в западный флигель.

Особенно он наседавал на Лу-гэра, видя его чрезмерную заботу:

— Помогать варить лекарства или готовить еду — можно, но внутрь комнаты заходить нельзя.

Лу-гэр кивнул:

— Брат, не волнуйся, я знаю меру.

Заметив, что Е Цзюньшу совсем не выглядит радостным, Лу-гэр немного подумал, взял его за руку и сказал:

— Брат, Нань-амэ — хороший человек, он не причинит нам вреда.

— Глупый ребенок, — Е Цзюньшу погладил его по голове. — Чужая душа — потемки. Как ты можешь это гарантировать? Ты еще слишком мал.

— Да нет же... — Лу-гэр заволновался, не зная, как подобрать слова.

Цзычжоу не хотел его мучить и добавил:

— Брат верит тебе, но помни: ты еще ребенок. Как бы человек ни был тебе симпатичен, соблюдай дистанцию. Если ты будешь слишком сильно заботиться о чужих, я начну ревновать.

Е Цзюньшу сказал это полушутя-полусерьезно. Он верил, что смущенный Лу-гэр поймет скрытый смысл. И действительно, мальчик на мгновение замер, а затем кивнул:

— Я понял, брат.

Е Цзюньшу легонько похлопал его по макушке, отправил играть с остальными братьями, а сам ушел в кабинет. Завтра начинались официальные занятия, нужно было подготовиться и повторить пройденный материал.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Е Цзюньшу уже был на ногах. В этой тихой и уютной обстановке спалось куда лучше, чем на постоялом дворе; по крайней мере, он перестал постоянно просыпаться среди ночи. Дети тоже крепко спали.

Е Цзюньшу заглянул в комнату к близнецам. Здешние покои и кровати, конечно, не чета огромному деревенскому кану, на котором помещались все сразу, поэтому он расселил детей по разным комнатам. В четырех соседних комнатах восточного флигеля: в левых двух — гэры (Лу-гэр и Цинь-гэр), в правых — близнецы и Сяо Шань. Возможно, этот флигель изначально строился для гостей, так как комнаты шли одна за другой. Жили они бок о бок, так что любой ночной шум был бы сразу слышен.

Главный двор он оставил Юй Маолиню — всё-таки это его дом, а они лишь жильцы, и «занимать гнездо сороки» было бы некрасиво. Е Цзюньшу занял под кабинет лишь одну комнату в главном дворе, как раз по соседству с кабинетом хозяина.

Быстро позавтракав, Е Цзюньшу подхватил короб для книг и отправился в академию. Путь был недолог: Юй Маолинь уже показал, где можно срезать через переулочки, так что быстрым шагом

он добрался за два шичэня — около получаса в современном понимании.

Цзычжоу вошел в ворота, предъявив удостоверение. В это время ученики нескончаемым потоком тянулись к учебным залам. Классы делились на «Цзя», «И», «Бин» и «Дин» (А, Б, В, Г). В его рекомендательном письме не было указано конкретное место, но когда Юй Маолинь помогал с оформлением, его зачислили в класс «Цзя» — так он оказался в одной группе с другом.

Е Цзюньшу гадал, что за статус у Юй Маолиня, раз академия оказала ему такую честь. Он чувствовал: не будь помощи брата Юя, его бы с вероятностью девять из десяти отправили в самый последний класс.

Найдя нужную аудиторию, он вошел и увидел, что почти все места заняты. Ученики либо перешептывались, либо сидели, уткнувшись в книги. Е Цзюньшу вдруг почувствовал неловкость — он осознал, что не знает, где его место. Ряды стояли семь на четыре. Юй Маолинь сидел во втором ряду на третьем месте. Цзычжоу не знал здесь никого, кроме него, поэтому, переборов стеснение, подошел поздороваться.

— Пришел? — отозвался Юй Маолинь.

Юй Маолинь отложил книгу и, не дожидаясь вопроса Е Цзюньшу, указал на пустующий стол позади себя:

— Вот твоё место.

Это сразу избавило Е Цзюньшу от неловкости.

Он поблагодарил друга, сел и разложил свои вещи так же, как и остальные. Слух у него был отличный, так что он улавливал обрывки чужого шепота и понимал, что стал объектом обсуждения. Однако он не смущался и не сердился, ведя себя открыто и позволяя всем желающим рассматривать его.

Взгляды одноклассников были в основном любопытными и дружелюбными; лишь немногие оказались настоящими книжными червями, которые не поднимали головы от свитков. Е Цзюньшу не чувствовал неприязни, напротив, такая атмосфера ему нравилась — по крайней мере, пока он не заметил никого с дурным характером. Встретившись взглядом с соседом по парте, он доброжелательно улыбнулся.

Тот вовсе не смутился, будучи пойманным за разглядыванием новичка, а напротив, широко улыбнулся и помахал рукой:

— Привет, новый сокурсник! Меня зовут Вэнь Бихуа, рад знакомству.

Характер у Вэнь Бихуа был открытый и шумный, чем-то напоминающий его шицюна (Цинь Яоляня), поэтому Е Цзюньшу сразу почувствовал к нему симпатию. Он также с улыбкой ответил:

— Меня зовут Е Цзюньшу, моё второе имя — Цзычжоу. Прошу любить и жаловать.

— Цзычжоу, мы о тебе знаем, — хмыкнул Вэнь Бихуа и, подмигнув, покосился на Юй Маолиня, который сидел с прямой спиной и читал. Понизив голос, он добавил: — Маолинь уже говорил нам, что хочет познакомить нас с новым другом, это ведь ты?

Е Цзюньшу улыбнулся и не стал отрицать. Вэнь Бихуа оперся на локоть и слегка подался вперед, с любопытством спрашивая:

— Гляжу, ты помладше нас будешь, как же ты так рано получил второе имя?

— Ну, дело в том, что моё основное имя (Шу — «книга», созвучно со «дядя») позволяет людям легко занимать надо мной главенство в родстве, поэтому учитель в школе дал мне второе имя.

Здесь в основном получали второе имя только по достижении двадцати лет и обряда совершеннолетия. Юй Маолинь еще не было двадцати, поэтому второго имени у него не было. Имя Е Цзюньшу по звучанию напоминало «дядю», и взрослые порой не знали, как к нему обращаться — даже когда учитель звал его по имени, казалось, что путаются поколения. Поэтому ему и дали имя Цзычжоу.

К слову, имена братьев и его второе имя были тесно связаны с учителем. Когда тот придумывал имя Цзычжоу, он процитировал: «В горах книг есть путь — трудолюбие (Цинь), в бескрайнем море знаний лодка (Чжоу) служит переправой». Так и появилось имя Цзычжоу.

Отец Е тогда решил, что эта фраза наполнена глубоким смыслом, и использовал первую часть для имен остальных детей (Лу, Цинь). Давая старшему сыну имя «Шу» (Книга), отец надеялся, что тот станет эрудированным ученым. Теперь можно сказать, что его желание исполнилось. С тех пор как он получил второе имя, все стали звать его Цзычжоу или «парень Чжоу» — пожалуй, некоторые односельчане уже и забыли его настоящее имя.

Вэнь Бихуа тут же преисполнился зависти:

— Я тоже хочу второе имя, но мне придется ждать до следующего года.

Среди присутствующих ученых почти все получали имена после двадцатилетия, так что внезапное появление того, кто обзавелся им раньше срока, не могло не заставить остальных смотреть на него с особым интересом.

Вэнь Бихуа хотел продолжить беседу, но Юй Маолинь обернулся и вздернул подбородок:

— Учитель скоро придет. Все разговоры — после уроков.

Вэнь Бихуа мгновенно умолк, подмигнул Е Цзюньшу и уткнулся в книгу, делая вид, что усердно читает. Е Цзюньшу тоже замолчал и принялся за чтение.

Вскоре вошел наставник, и начались занятия. Возможно, из-за того, что Е Цзюньшу был новичком, ему уделяли повышенное внимание — а может, просто хотели прощупать его знания. Практически на каждый вопрос его просили встать и ответить.

Е Цзюньшу был предельно сосредоточен и не смел отвлекаться. Один из особенно вьедливых учителей и вовсе заставил его отвечать весь урок напролет. К концу занятия Е Цзюньшу отвечал уже на автомате, совершенно не осознавая, что именно говорит. Однако, судя по выражению лиц наставников, они остались довольны.

Весь день Е Цзюньшу приковывал к себе внимание учителей, и сокурсники вовсе не завидовали ему — напротив, смотрели с глубоким сочувствием. Такие «жаркие» денечки явно продлятся еще долго!

Обед в академии был бесплатным, в специальной столовой. Е Цзюньшу отправился туда вместе

с Юй Маолинем и его компанией. За утро дистанция между ним и однокашниками заметно сократилась.

Академия Юнчжоу, будучи крупнейшей в провинции, конечно, не шла ни в какое сравнение с обычными частными школами. Разница была не только в качестве преподавания, но и в самой программе. Здесь обучали «Шести искусствам»: ритуалам, музыке, стрельбе из лука, управлению колесницей, каллиграфии и математике. Утро посвящалось теории и стратегии, а после обеда шла практика.

В каллиграфии, математике и стрельбе Е Цзюньшу не просто не отставал, но даже выделялся — сказывались годы упорных тренировок и охоты. Однако в других областях он сильно проигрывал, так как раньше просто не имел к ним доступа. Именно поэтому его учитель приложил столько усилий, чтобы отправить его в столицу провинции. Многим вещам невозможно научиться в маленьком, изолированном и отсталом уезде.

Кто из тех, кто добился успеха на государственной службе, не был мастером во всех шести искусствах? Ты можешь в чем-то не блистать, но обязан разбираться в этом и уметь ценить. Иначе как быть, если государь предложит партию в шахматы? Или попросит сложить стих? Или, выделив тебя, позовет в свою свиту на осеннюю охоту?

Не умея играть в шахматы и не умея держаться в седле, как ты собрался завоевывать доверие императора? Мечтаешь стать высшим сановником? Лучше иди домой, умойся и ложись спать.

Е Цзюньшу понимал это, а потому вкладывал в учебу двести процентов энергии. Благодаря помощи сокурсников его прогресс заставлял окружающих оборачиваться. Нельзя сказать, что он полностью переродился, но даже его аура стала другой. Впрочем, это случится спустя несколько месяцев.

А пока... Закончив первый учебный день, Е Цзюньшу чувствовал себя совершенно измотанным, как физически, так и морально. Весь день он провел в состоянии предельной концентрации, и теперь, вернувшись домой и расслабившись, хотел только одного — лежать и не двигаться. К таким нагрузкам нужно было привыкнуть, и вскоре это чувство пройдет. Но такая жизнь, полная дел, ему очень нравилась.

Он съел ужин, приготовленный с душой Лу-гэром, расспросил детей о том, как прошел их день, и отправился в кабинет делать уроки. Сяо Шань принес ему фрукты. Увидев брата, Е Цзюньшу между делом сказал:

— Сяо Шань, через некоторое время ты тоже пойдешь учиться в академию.

Сяо Шань выглядел крайне удивленным, а затем на его лице отразилось явное нежелание. Он уже собирался отказаться, но Е Цзюньшу продолжил:

— Это военная академия. Разве тебе не интересно боевое искусство? Там ты сможешь познакомиться со множеством сверстников-единомышленников.

Услышав про военную академию, Сяо Шань заколебался:

— Но как же младшие братья...

— Об этом не беспокойся. Я купил Нань-амэ с внуком именно для того, чтобы они помогали приглядывать за детьми. Ты еще мал, тебе нужно учиться и заводить друзей.

Цзычжоу уже расспросил в академии Юй Маолия и остальных: условия поступления на военное отделение были не слишком строгими. У Юй Маолия как раз оказался дальний родственник, работавший там наставником по боевым искусствам — достаточно было замолвить слово, чтобы Сяо Шаня приняли. Нужно было лишь доплатить немного за обучение (щусю). Е Цзюньшу было не жалко денег, лишь бы брат учился.

Сяо Шань в нерешительности произнес:

— Тогда я подумаю.

Е Цзюньшу кивнул. Раз уж Сяо Шань проявил интерес, в итоге он наверняка согласится.

<http://bllate.org/book/15226/1411550>